

Это была фотография, сделанная тайком у входа в бар, где можно было увидеть У Синь, стоящую рядом с мужчиной в довольно интимной позе. Объектом съемки явно была У Синь, лицо женщины на фотографии было очень четким, но мужчина был виден лишь на четверть, в основном со спины. Фотография была сделана 12 марта этого года.

Он держал снимок в руках, хмурясь, внимательно рассматривая его, а затем передал Ли Чэньюэ:

— Брат Юэ, кто этот мужчина?

Ли Чэньюэ, занятый едой, мельком взглянул:

— Разве там не написано, Хэ Шэньюй? Говорят, эта фотография была удалена через несколько часов после публикации, детектив нашел ее в кэше сайта. Даже если он внебрачный сын, семья Хэ не может позволить ему так бесчинствовать и позорить их имя...

Цзян Фэн снова взял листок с фотографией и увидел заголовок статьи под ней: «Золотой продюсер снова нашел новую пассию? Хэ Шэньюй и У Синь замечены в ночном клубе».

«Это Хэ Шэньюй?..»

В материалах было много фотографий У Синь с Хэ Шэньюем, и некоторые из них были сделаны частным детективом, следившим за У Синь в течение последней недели. Особенно эта фотография, где У Синь была с этим человеком, казалась Цзян Фэну странной, хотя на других снимках он не видел ничего необычного. Но почему-то Цзян Фэну казалось, что эта спина очень знакома.

«Неужели это не Хэ Цзинлинь?»

Действительно, человек на фотографии был одет очень модно, в отличие от Хэ Цзинлиня, который всегда появлялся в строгом костюме, и его атмосфера не была такой холодной и властной, как у Хэ Цзинлиня, а скорее солнечной и дружелюбной.

Но он видел Хэ Шэньюя всего два раза, и оба раза они оставили у него не самое приятное впечатление. Почему же он находит его силуэт таким знакомым?

Цзян Фэн долго хмурился, размышляя, но так и не смог разгадать эту загадку. Ли Чэньюэ, видя его состояние, не выдержал:

— Эй, Сяо Фэн, что не так с этой фотографией? Если ты не ешь, я съем все сам. Такой высококлассный японский ужин я могу позволить себе только раз в год.

— Аааа, оставь мне немного!

Услышав это, Цзян Фэн поспешно отложил фотографию и схватил палочки, начав бороться за еду:

— Ты должен понять меня, я только что переболел тяжелой болезнью, каждый день ел кашу и пил лекарства, мой аппетит совсем ослаб, я еще не восстановился!

В итоге внимание обоих полностью переключилось на изысканный японский ужин, и больше никто не вспоминал о фотографии.

В тот день Цзян Фэн вернулся домой с пачкой материалов, снова просмотрел их, наслаждаясь

органической клубникой, которую Хэ Цзинлинь тайком передал через Ван Янь. На самом деле, Хэ Цзинлинь в последнее время каждый день подкрадывался, чтобы оставить ему что-то полезное, подкрадывался к его двери, чтобы взглянуть на него, а затем тайком совещался с Ван Янь, задавая вопросы. Цзян Фэн все это знал. Ему просто было смешно, поэтому он не стал разоблачать его.

На листке бумаги, который дала ему У Синь, был написан иероглиф «шэ» в стиле цзиньвэнь. Хотя он не знал, что это значит, но в даосских практиках существует множество школ со сложными символами, и использование цзиньвэнь для создания амулетов не является чем-то необычным.

Тогда он не успел как следует рассмотреть этот листок, так как его сразу же забрал Хэ Цзинлинь. Номер телефона он запомнил лишь частично, только несколько цифр, и он был уверен, что это один из нескольких номеров, которые нашел частный детектив.

Похоже, было необходимо встретиться с этой У Синь.

Цзян Фэн сказал, что пока не хочет встречи, и главная причина была не в обиде, а в том, что он еще не решил, как ответить на искренность Хэ Цзинлиня.

Изначально он сблизился с Хэ Цзинлинем с определенной целью, хотя и не такой, как у мелких знаменитостей, которые искали деньги или славу, но разница была невелика. Теперь, зная о чувствах другого человека, если он продолжит вести себя так же, как раньше, просто играя, он почувствует, что использует чувства Хэ Цзинлиня.

Это ощущение ему не нравилось.

Но, с другой стороны, хотя он сам был измотан, весь в синяках, и пролежал в постели целую неделю после тяжелой болезни, а Хэ Цзинлинь остался цел и невредим, теперь он чувствовал, что это он должен ему... Ореол «божества» у Хэ Цзинлиня действительно был опасным, после долгого общения с ним его мозг начал работать не так, как обычно, о боже...

...Так что, если бы Цзян Фэн мог выбирать, он бы предпочел вообще никогда не встречаться. К сожалению, избавиться от Хэ Цзинлиня было практически невозможно. Дело с Жемчужиной усмирения вод было одной из причин, и, кроме того, если он хотел остаться в шоу-бизнесе, ему все равно придется иметь дело с двумя представителями семьи Хэ.

В общем, это «пока» затянулось. Сам Цзян Фэн планировал тянуть как можно дольше, и если бы удалось протянуть три-пять лет, пока старший сын Хэ не женится и не заведет детей, это было бы идеально.

Но это явно не входило в планы старшего сына Хэ.

Чувствуя вину за произошедшее, Хэ Цзинлинь соблюдал договоренность не встречаться с Цзян Фэном. Однако с тех пор, как Цзян Фэн начал свою «самоизоляцию», подарки не прекращались. Сначала это были теплые и полезные для здоровья продукты, такие как кумкват, боярышник и вишня, затем бельгийский шоколад, тюльпаны, доставленные из голландского цветочного рынка, превосходный лосось из Хоккайдо, канадское ледяное вино Рислинг. Поскольку это было сладкое вино, Цзян Фэн сделал исключение и выпил маленькую чашку, а остальное отдал Ван Янь для приготовления блюд. За чуть больше недели его маленькая однокомнатная квартира едва не оказалась переполнена.

Любой человек, получающий подарки, будет рад, и Цзян Фэн не был исключением. К тому же,

эти еда и напитки не были такими, как золото или драгоценности, и не создавали психологического давления на получателя. Но потом подарки становились все более многочисленными и экстравагантными, достигая уровня настоящего богача, и это стало самой головной болью для Цзян Фэна каждый день.

Таким образом, к пятнице второй недели он уже не мог больше терпеть и глубоко раскаялся в своем детском поведении, избегающем реальности.

Ли Чэньюэ однажды сказал: «Нельзя быть страусом, бегущим по австралийским прериям!» Постоянно откладывать на потом — это неправильно, сегодня он обязательно встретится с ним! — Цзян Фэн крепко сжал кулак, думая об этом.

В тот день подарком Хэ Цзинлиня был билет на вечерний концерт в Имперском концертном зале на VIP-место.

Несмотря на то, что Имперский концертный зал был построен давно, и его размеры и роскошь уступали более современным театрам, его акустика была признана лучшей в музыкальном мире. Обычно в концертном зале исполнялись симфонии или оперы, и большинство обычных людей не понимали их. Что касается богатых людей, то независимо от того, понимали они музыку или нет, они любили одеваться в костюмы и галстуки, чтобы показать свою высокую культуру.

...Это полностью соответствовало стилю Хэ Цзинлиня.

Самым странным в этом билете было то, что на нем были указаны только время входа и место в зале, но не было написано название концерта или оркестра. Поскольку Цзян Фэн решил разобраться с Хэ Цзинлинем, он готов был открыто принять приглашение, заранее надел свой костюм и выглядел настолько великолепно, что Ван Янь не могла оторвать от него восхищенного взгляда.

Концерт начинался в 7 вечера, и Цзян Фэн прибыл в Имперский концертный зал в 6:30. Он взял программу у входа и направился в зал, чтобы найти свое место, и тут обнаружил...

Имперский концертный зал, способный вместить более 1 000 человек на трех уровнях, был совершенно пуст, кроме него.

Цзян Фэн бывал в таких больших залах раньше. Независимо от того, был ли это концерт, концерт поп-музыки или киносеанс, зал всегда был переполнен людьми. Перед началом всегда царил шум: кто-то искал свое место, кто-то громко разговаривал, кто-то играл в игры на телефоне, и так далее.

А сейчас в этом обычно оживленном зале, кроме него, не было никого. Это ощущение было очень странным. Цзян Фэн даже почувствовал, будто весь мир исчез, и остался только он один.

Это был концерт, на котором был только один зритель.

От этой мысли Цзян Фэн даже немного взволновался, и его сердце начало ожидать содержания выступления. Он нашел свое место, сел и начал смотреть на программу. Программа состояла всего из одного листа, на обложке было написано название концерта — «Молитва». Внутри были только названия 12 композиций, без какой-либо информации о музыке или исполнителях.